

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЙ

В статье рассматриваются два концептуальных гносеологических положения, высказанных в последней монографии О.М. Медушевской — об «информационном магнетизме» и о природе видов исторических источников. Представляется, что в реальном процессе познания действие «информационного магнетизма» не прослеживается, а вид источников — не объективно существующее целое, а теоретический конструкт.

Ключевые слова: методология истории, категории исторической науки, теория познания, интерпретация, виды исторических источников

Прошедший XX век, как никакой другой, обнаружил разобщенность человечества. Распались или были разрушены все существовавшие империи, рассыпалась система противоборствующих идеологических «блоков», более того, процессы дезинтеграции не остановились на уровне «национальных» государств, результатом чего стало возникновение многочисленных сепаратистских движений. Приближение нового, XXI столетия принесло с собой радужные надежды на обретение единства на почве глобализации, но им не суждено было сбыться. Напротив, на повестку дня вышли новые, ранее неизвестные конфликты. Неудивительно, что одной из центральных интеллектуальных проблем нашего рассыпающегося мира стала проблема универсалий.

В разных отраслях наук о человеке предлагаются различные стратегии обретения чаемого единства. Свои подходы к проблеме (причем сразу несколько) имеются у лингвистов, у филологов и, разумеется, у историков. Ниже будут изложены соображения, вызванные к жизни тем подходом, который представлен в книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» (М., 2008).

Построения О.М. Медушевской имеют два уровня. На первом постулируется наличие у человека двух врожденных способностей — *созидать* и *воспринимать создаваемое* в качестве «информационного ресурса»¹. Созидание преследует конкретные практические цели, обусловленные злобой дня, или — в лучшем случае — актуальной философской парадигмой. Эти цели, в общем, утрачивают актуальность с ходом времени. Однако люди обладают врожденной (как полагала исследовательница) способностью считывать целепологания прошлого, ориентируясь на внешнюю форму вещей. В результате созданное превращается из инст-

---

¹ Медушевская. 2008. С. 59.

румента в свидетельство, и опыт прошлого не утрачивается, а пополняет собой интеллектуальный багаж последующих поколений.

На втором уровне рассуждений О.М. Медушевская предлагала обратить внимание на повторяемость формы создаваемых человеком объектов («вещей»): «Следствием того, что вещь создается для практического использования в рамках определенного социума является то, что ей (вещи) придается определенная структура. Поскольку потребности социума, как правило, являются достаточно общими, часто повторяющимися в рамках конкретных исторических условий, то и цели создания вещей возникают вновь и вновь. Следовательно, неоднократно повторяются и те структурные параметры вещи, которые в рамках именно данных исторических условий представляются оптимальными для выполнения функций. Возникает ситуация, при которой совокупная деятельность изучаемого исторического социума предстает перед исследователем в виде структурно определенных видов вещей. Их форма, их материал, их общие параметры не могут быть случайны. Автор формирует вещь, оптимально отвечающую той функции, для которой она предназначена. Следовательно, вполне возможно, рассматривая исторически обусловленный информационный ресурс социума, выделить в нем типологии, повторяемости, структуры»². В результате хаос человеческих поступков уступает место стройной структуре.

Изложенная теоретико-методологическая модель разрабатывалась О.М. Медушевской на протяжении нескольких десятилетий (очевидно — уже с момента начала работы над докторской диссертацией, посвященной «теоретическим проблемам источниковедения»³). Сопоставимые идеи легли в основу программы курса «Источниковедение» и ряда учебных изданий, включая известное пособие 1998 г.⁴ Иными словами, книга 2008 г. подытоживает результаты продолжительной, занявшей несколько десятилетий работы ума и уже по одному этому заслуживает стать объектом пристального историографического анализа. Вместе с тем, развитие науки предполагает не только восхищение трудами предшественников с позиции зрителя перед «Давидом» Микеланджело, но и углубление сделанного, а значит и своего рода «геологическую разведку» тех направлений, где такое углубление является целесообразным и может принести наиболее шедрые плоды. Мне посчастливилось слушать лекции О.М. Медушевской в качестве студента второго курса Ис-

---

² Там же. С. 61.

³ Медушевская. 1975.

⁴ Источниковедение: учебно-методич. модуль; Источниковедение : Теория. История. Метод...; Медушевская, Румянцева. 1997; Медушевская. 1985; 1983; 1979; 1977.

торико-филологического факультета РГГУ (осенний семестр 1996/97 уч. г.), участвовать в проводимом ею семинаре для аспирантов кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ (осень 2002 г.), а также – что было особенно значимо для моего интеллектуального развития – на протяжении шести с половиной лет работать с О.М. Медушевской на одной кафедре. Весь этот, может быть не такой богатый, как у других участников дискуссии, но все же и не самый маленький опыт общения показывает, что О.М. была бы всем сердцем против увековечения своих научных достижений в качестве некоего «немеркнувшего наследия Великих». Остается только сожалеть о том, что соображения, к изложению которых я приступаю, не были сформулированы мной тогда, когда имелаась возможность получить на них живой и непосредственный ответ.

Первое из указанных размышлений связано с представлением Медушевской о том, что «способность получать информацию из вещи присуща человеческой природе»⁵, и что каждый человек при каждой встрече с новым для себя предметом попадает под действие некоего «информационного магнетизма», заставляющего каждого из нас проявлять «неудержимое любопытство» относительно конструкции и предназначения найденного нами изделия⁶. Идея «информационного магнетизма» вызывает сразу несколько возражений.

К менее существенным можно отнести вопрос о качестве информации, получаемой при простом разглядывании не встречавшейся ранее вещи. О.М. Медушевская ссылается на свидетельство неназванного «английского путешественника по России XVI в.», который «вспоминает, как любознательные аборигены чуть ли не бросались под колеса иноземной повозки, чтобы рассмотреть ее подробнее и понять ее “идею”»⁷, но что эти «аборигены» в итоге видели — остается, естественно, неизвестным. Между тем, нельзя исключать, что видели они пресловутого черта, далекого предка того, действиям которого будет приписывать движение паровоза «мужик» у Л.Н. Толстого⁸. Легко скомпрометировать и второй пример, приводимый на той же странице, – цитату из «Мифологий» Р. Барта,

---

⁵ Медушевская. 2008. С. 63.

⁶ Там же. См. также позицию «Информационный магнетизм» в «Указателе понятий», помещенном в конце цитируемой книги (С. 350).

⁷ Там же. С. 66.

⁸ «Идет паровоз. Спрашивается, отчего он движется? Мужик говорит: это черт движет его. Другой говорит, что паровоз идет оттого, что в нем движутся колеса. Третий утверждает, что причина движения заключается в дыме, относимом ветром» (Толстой Л.Н. Война и мир // Собр. соч. Т. 7. С. 318).

где французский интеллектуал в юмористическом ключе описывает восприятие «публикой» знаменитого «Ситроена DS». Очерк «Новый “Ситроен”» был опубликован в конце 1955 г., спустя примерно полгода после первого показа машины, производившей (и производящей до сих пор) яркое впечатление своим футуристическим дизайном, и представляет собой вовсе не описание человеческой любознательности (каким эта заметка из журнала «Les Lettres Nouvelles» предстает в изложении О.М. Медушевской), а попытку осмыслить весьма нетривиальные дизайнерские и рекламные решения, обусловившие коммерческий успех новинки (порядка 100 тыс. заказов за первую неделю продаж). Манипуляции посетителей «демонстрационных залов» («Люди ощупывают металлические поверхности и сочленения, проверяют мягкость сидений, пробуют на них садиться, поглаживают дверцы, треплют ладонью спинки кресел; садясь за руль, движениями всего корпуса имитируют езду»⁹) имеют мало отношения к постижению «формы, структуры и функции» нового автомобиля¹⁰; напротив, Р. Барт подчеркивает, что по единодушному мнению потребителей «модель “DS”, “богиня” обладает всеми признаками объекта, ниспосланного из горнего мира»¹¹, а к таким феноменам категории структурного анализа неприменимы. О главных свойствах машины – ходовых качествах и управляемости – мы узнаем только то, что «к ней надо привыкать»¹². Очевидно, что ознакомление с вещью, даже очень близкое (тактильное) еще не гарантирует ее понимания, а значит не приходится говорить и об имманентной способности к этому последнему: человек не рождается понимающим, а должен этому научиться.

Существует и более серьезное возражение против концепции «информационного магнетизма» как универсального следствия человеческой природы. Исследователям традиционных культур хорошо известна ситуация, при которой представитель такой культуры, побывав в новых для себя местах, описывает увиденное не по живым впечатлениям, а в соответствии с уже сложившимся в предшествующей литературе каноном: «так, например, Овидий, лично наблюдавший жизнь в низовьях Дуная, парадоксальным образом изображает климат, природу и население этого района, опираясь на знаменитое описание своего великого предшественника Вергилия, который [в свою очередь! – Д.Д.], не будучи лично знаком со здешними местами, перепевал известные всем мотивы

---

⁹ Барт. 1996. С. 193-194.

¹⁰ Медушевская. 2008. С. 66.

¹¹ Барт. 1996. С. 192.

¹² Там же. С. 193.

«Скифского рассказа» Геродота»¹³. Любознательность и активный интерес ко всему необычному, которые кажутся неотъемлемым свойством человека Нового и Новейшего времени, не были столь же типичны для людей Древности и Средневековья, когда считалось естественным видеть во всем непривычном либо варварство и бескультурие, либо (когда монотеистические религии открыли новые способы формулирования) – «дьявольский соблазн»¹⁴. Более того, даже формальная модернизация не гарантирует, что в обществе проснется интерес ко всем проявлениям творческой активности Другого. Претерпевая процесс модернизации, общество, может быть, и открывает для себя античность, но одновременно утрачивает интерес к наследию средневековья, которое пришлось переоткрывать – романтикам на Западе и ученым-историкам в России. Примечательна в этом плане практика сбивания/записывания древнерусских росписей и замены позакомарных покрытий старинных храмов на четырехскатные, существовавшая в России вплоть до середины XIX в., и (трудно удержаться от публицистической вставки) грозящая возродиться вновь. «Русская Археология, – говорил в 1863 г. первый председатель Московского Археологического общества А.С. Уваров, – <...> не сложилась еще в стройную, правильную науку, не имеет строгой научной формы, но должно сознаться, что это происходит не от недостатка материалов, как некоторые полагают, а от совершенно другой причины: от какого-то векового равнодушия к отечественным древностям. Не только мы, но и наши предки не умели ценить важности родных памятников, и без всякого сознания, с полным равнодушием безобразно исправляя старинные здания, или восстанавливая их сызнова, они не понимали, что каждый раз вырывали страницу из народной летописи»¹⁵. Восприятию вещи как свидетельства надо специально учиться, и далеко не всякому это дано, но значит и «информационного магнетизма» как универсального общечеловеческого свойства, скорее всего, не существует.

Приведенные выше соображения касаются того, что можно было бы назвать «мотивационно-ценностной составляющей» исторического познания. Приходится признать, что в характеристике этой последней О.М. Медушевская оказалась избыточно оптимистичной. Однако на

---

¹³ Древняя Русь в свете зарубежных источников... С. 55.

¹⁴ «Для автора летописи, – пишет И.Н. Данилевский, – критерием достоверности его личных впечатлений было их соответствие коллективному опыту общества. Отклонение от такого социального стандарта представлялось, видимо, как несущественное (т.е. не раскрывающее сущности явления), а потому неистинное» (Данилевский. 1993. С. 79; Ср. также: Историческая поэтика... С. 17-23, 105-296.

¹⁵ Уваров. 1865. С. III.

полемику провоцирует и то, как в монографии 2008 г. описан процесс извлечения информации тем человеком, который все-таки заинтересовался стоящими за явлением значащими структурами и перешел от бездумной эксплуатации «собственности» или бесцельного рассматривания «диковины» к интерпретации. Проблеме интерпретации посвящено второе из предлагаемых размышлений.

В основе своей предложенное О.М. Медушевской описание интерпретации как исследовательской процедуры очевидно и возражений не вызывает. Внимательное разглядывание вещи, опирающееся на адекватный набор предварительных знаний, несомненно, способно стать основанием верифицируемой гипотезы относительно авторского замысла. Но рассуждения Медушевской, как уже было сказано, на этом не останавливаются. Исследовательница акцентирует внимание на повторяемости целеполаганий, определяющих форму создаваемых вещей: каждый автор действует самостоятельно и считает свои действия уникальными, но при взгляде со стороны наши поступки укладываются в ограниченное количество моделей, а их результаты («интеллектуальные продукты») образуют систему т. н. «видов» исторических источников¹⁶. Членение корпуса исторических источников на виды, характеризующиеся как «основополагающее понятие» когнитивной истории, позволяют структурировать «исторически обусловленный информационный ресурс социума»¹⁷, а значит и увидеть структуры истории вообще. Представляется, однако, что ситуация не столь прямолинейна.

Повторяемость видовых признаков источников (а следовательно и «виды» как таковые) легко выявляется там, где речь идет об относительно простых, содержательно небогатых (во всяком случае, в своей единичной реализации) произведениях – актах, делопроизводственных материалах и т.п. Однако когда речь заходит об источниках более сложных, претендующих на построение комплексной картины мира – учительной книжности средневековья и художественной литературе Нового/Новейшего времени, исторических сочинениях и т.п. – четкие границы видов и разновидностей исчезают, а построение видовой модели и определение базовой для вида социальной функции оказывается крайне нетривиальной задачей. Характерным примером могут служить упомянутые «исторические сочинения» древнерусского периода. В работах И.Н. Данилевского выдвинуто предположение о том, что летописи составлялись как «книги жизни» (др.-евр. *Сефер Га-Хаим*), фигурирующие в эсхатологических

---

¹⁶ Ср.: Медушевская. 2008. С. 346.

¹⁷ Там же. С. 61.

пророчествах Ветхого и Нового Заветов (Дан 12: 1–4; Откр 20: 12–15 и др.)¹⁸. Суждения исследователя убедительно подтверждается рядом особенностей Начальной летописи, и в частности ее весьма специфическим заглавием *Повѣсть/повѣсти временныхъ лѣтъ*, явно отсылающим к Деян 1: 7 («Нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отець положи во своей власти»; речь идет, как известно, об обещанном в Евангелии наступлении Царствия Небесного)¹⁹. Но экстраполяция полученных выводов на все древнерусское летописание сталкивается с рядом трудностей, включающим, кстати говоря, и постепенное «размывание» исконного заглавия, которому оказываются предпосланы другие формулировки («Лѣтописец Руский» в Ипатьевской летописи, «Лѣтописец Руския земли» в Софийской I, «Повѣсти о началѣ земли Руской, откуда пошла Руская земля, и хто первое нача жыти [или княжити и в кое время]» в Новгородской IV²⁰ и т.п.). Конструктивная основа летописи как изложения местной истории, построенного по хронологическому принципу, существенных изменений не претерпевает. Более того, внутренний ресурс жанра был настолько велик, что какие-то летописи появлялись вплоть до начала XX в. (Летопись устюжского городского головы К.Н. Брагина 1904 г.²¹). Однако первоначальная эсхатологическая (если не миллениаристская) интенция, судя по всему, была утрачена, ее вытеснили иные, более прозаические мотивы. Значит, назвать единую цель создания летописей нельзя, можно говорить лишь о конгломерате движущих начал, среди которых есть временно доминирующие и временно вторичные, причем в исторической перспективе состав «доминирующих» и «вторичных» может причудливым образом изменяться. Все сказанное не лишает идею вида исторических источников ее эвристического и педагогического значения. Вместе с тем, представляется важным внести уточнение в определение гносеологического статуса «вида» как исследовательской категории – это не столько объективно заданное свойствами материала членение, и тем более не универсалия опыта, сколько веберовский «идеальный тип».

Важно еще раз подчеркнуть, что представленные рассуждения не имеют своей целью предложить методологическую концепцию, альтернативную представленной в последней монографии О.М. Медушевой. Скорее, предпринимается попытка раскрыть потенциал развития выска-

---

¹⁸ Данилевский. 2004. С. 232–267.

¹⁹ Подробнее о данном истолковании заглавия Повести временных лет см.: Гиннтус. 2000. С. 448–460.

²⁰ Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2. Стб. 2; М., 2000. Т. 6, вып. 1. Стб. 1; Т. 4, ч. 1. С. 1.

²¹ Предисловие // Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37. С. 3.

занных идей и как-то ответить на интеллектуальный вызов, которым стала эта, увы, посмертно изданная книга. Методология исторического познания, опирающаяся на принципы неокантианства, учение Э. Гуссерля о строгой науке и творческое наследие А.С. Лаппо-Данилевского, далеко не исчерпала свое значение в науках о человеке.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барт Р.* Мифологии. М., 1996.
- Гиппиус А.А.* «Повесть временных лет»: о возможном происхождении и значении названия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1. С. 448-460.
- Данилевский И.Н.* Библия и Повесть временных лет: (к проблеме интерпретации летописных текстов) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 79.
- Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е.А. Мельниковой. М., 2001.
- Историческая поэтика: литературные эпохи и типы художественного сознания: сб. ст. / ред. П.А. Гринцер. М.: Наследие, 1994. 512 с.
- Источниковедение : учебно-методич. модуль : программы курсов и планы семинарских занятий / отв. ред. О.М. Медушевская. М., 2004.
- Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. Переизд. 2000, 2004.
- Медушевская О.М.* Источниковедение социалистических стран: учеб. пос. М., 1985.
- Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Методология истории: учеб. пособие. М., 1997.
- Медушевская О.М.* Современная буржуазная историография и вопросы источниковедения: учеб. пособие. М., 1979.
- Медушевская О.М.* Современное зарубежное источниковедение: [учеб. пос.]. М., 1983.
- Медушевская О.М.* Теоретические вопросы источниковедения: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 1975.
- Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения: учеб. пос. М., 1977.
- Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.
- Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2. М., 2000. Т. 4, ч. 1; Т. 6, вып. 1. Л., 1982. Т. 37.
- Толстой Л.Н.* Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1979–1981. Т. 4–7.
- Уваров А.С.* О деятельности, предстоящей Московскому Археологическому обществу // Древности: труды Московского Археологического общества. М., 1865–1867. Т. 1. С. I–IV.

Добровольский Дмитрий Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории идей и методологии исторической науки Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ddobrowolski@hse.ru